

Пойдемъ же и мы всѣ за нимъ, Державнымъ Вождемъ, на великій подвигъ дѣятельной любви ко всякому нашему брату во Христвѣ!

Итакъ, вознесшійся Спаситель какъ бы поднялъ предъ нами завѣсу и открылъ нашимъ взорамъ другой, высшій, надземный, духовный мiръ, мiръ истинный, дѣйствительный; тамъ царство безсмертныхъ душъ; тамъ, и только тамъ, высочайшая, конечная цѣль нашей земной многотрудной жизни; только при свѣтѣ того мiра мы вѣрно можемъ оцѣнить, что въ здѣшней нашей жизни главное, существенное, вѣчное и что лишь побочное, второстепенное, мимолетное; только во свѣтѣ того мiра мы ясно увидимъ въ каждомъ человѣкѣ своего брата, а не чуждое намъ существо, оцѣнивъ его по духу, а не по плоти!

Ректоръ семинаріи Протоіерей А. Стерновъ.

Старинныя чувашскія вѣрованія.

(Окончаніе).

Мои очерки были бы неполны, если бы я не упомянулъ о клятвахъ чувашъ, въ которыхъ особенно просвѣчиваютъ чисто языческія вѣрованія. Къ сожалѣнію мои собственныя записи о клятвахъ не отличаются ни полнотой, ни обстоятельностью, а потому объ этомъ заимствую цѣликомъ изъ статьи Г. Θ. Виноградова ¹⁴⁾, гдѣ трактуемый вопросъ разработанъ довольно подробно.

„Многія клятвы чувашъ не лишены поэзіи, но за то почти во всѣхъ элементъ языческой занимаетъ видное мѣсто. Заповѣдь Божія: „не клятися всяко: буди-же слово ваше ей-ей, ни-ни“, кажется, нарушается чуть-ли не чаще всѣхъ. Обстоятельства и условія, при которыхъ произносится клятва, весьма различны;

¹⁴⁾ См. „Симб. Губ. Вѣд.“, отд. неоф., за 1897 годъ № 53, ст. „Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ“. Θ. Виноградовъ. Въ этой же статьѣ есть нѣкоторыя интересныя подробности (№№ 54 и 55) объ обрядахъ чувашъ при похоронахъ и свадьбахъ, о чемъ въ моихъ очеркахъ ничего не говорится.

поэтому до крайности разнообразень и характеръ самихъ клятвъ. Популярное русское „ей Богу“, цѣликомъ перешло и къ чувашамъ; въ переводѣ на чувашскій языкъ — „торжесь-да“, употребляется такъ же часто и такъ же механически, какъ и у русскихъ.

„Ей-ей“, „да“, „провалиться на этомъ мѣстѣ“, „это вѣрно“ (вмѣсто „честнаго слова“, котораго чуваша не даютъ, не понимая значенія его) — все это служить увѣреніемъ въ справедливости словъ и произносится въ случаяхъ обиденной жизни. Болѣе важныя клятвы употребляются и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ доказательство словъ своихъ чувашинъ клянется всѣмъ дорогимъ ему: женой, дѣтьми, отцомъ, матерью, урожаемъ, скотиной, клянется и благополучіемъ своего здоровья, твердо вѣря, что карающая рука накажетъ клятвopреступника, всеу произнесшаго слова клятвы. „Пусть падетъ моя скотина“, „пусть заболѣютъ дѣти, жена, если я лгу“, — говоритъ чувашинъ, чтобъ завѣрить собесѣдника въ справедливости своихъ словъ. Такая клятва называется „клятвой чрезъ скотину, жену, дѣтей“.

Чуваша клянутся мѣсяцемъ, звѣздами и солнцемъ: „да не увижу больше ни мѣсяца, ни звѣздъ“, „да померкнетъ для меня солнце, если я лгу“, „если я говорю неправду, то да не видѣть мнѣ воды болѣе и не пить ея“, — клянется чувашинъ въ случаяхъ болѣе серьезныхъ.

Весьма важной считается клятва — подать руку чрезъ шею животнаго, ребенка или свою собственную. Клянуційся протягиваетъ правую руку чрезъ шею лошади, коровы, ребенка; требующій клятвы беретъ протянутую руку въ свою, и клянуційся произносить слова: „если я лгу, то пусть падетъ лошадь, корова, умереть сынъ, я самъ“ и т. д., смотря потому, чрезъ кого подана рука. Но гораздо страшнѣе клятва черезъ могилу. Въ силу этой клятвы чуваша очень твердо вѣрятъ, и не всякій рѣшится всеу произнести ее. Эта клятва считается выше присяги, подъ которой можно еще соврать. Чтобъ вывѣдать отъ чувашъ правду въ показаніяхъ, нерѣдко обращаются къ этой клятвѣ, требуя ее отъ чувашина. На кладбищѣ, чрезъ могилу родственника, или

какого-либо уважаемого односельчанина, чувашинъ протягиваетъ руку тому, кто требуетъ клятвы; при этомъ онъ общаетъ говорить только сущую правду, вѣря, что въ случаѣ нарушенія ея тѣнь покойника будетъ преслѣдовать его и преждевременно сведетъ въ могилу.

Клянутся чрезъ сухой сучекъ: требующій клятвы беретъ сучекъ высохшаго на корню дерева, но отнюдь не отрубленный; одинъ конецъ сучка кладетъ на землю, а другой беретъ въ правую руку; клянуційся долженъ перешагнуть черезъ палку, произнося слова: „паданъ эпле хорнъ—маннъ ала, ора сянаш-каль хортыръ“, т. е. какъ эта палка суха,—мои руки и ноги пусть также высохнуть“. Ту же обрядовую сторону имѣетъ и клятва черезъ сухую лутошку. Чувашинъ вѣритъ этимъ клятвамъ, какъ непреложнымъ, и употребляетъ ихъ не безъ разбора.

Чтобы разсѣять подозрѣнія въ кражѣ, поджогѣ, нанесеніи обиды и т. п., подозрѣваемый прибѣгаетъ къ такимъ клятвамъ: 1) обвиняемый долженъ перепрыгнуть черезъ костеръ: если онъ виновенъ, то обязательно упадетъ въ огонь, и на немъ загорится одежда; 2) обвиняемый грызетъ землю; если виновный при произнесеніи словъ клятвы лжетъ, то онъ сдѣлается чернымъ, какъ земля, и черезъ годъ умретъ. Клянуційся беретъ на чистомъ мѣстѣ, не оскверненномъ испражненіями, зубами землю въ ротъ, жуетъ ее и говоритъ: „если эпъ алпла пулзасынъ—торъ, теберъ сякъ выгыда ансидертеръ“, т. е. „если я виноватъ буду, Богъ не дастъ дожить мнѣ до этого времени (т. е. до другого года)“. Эта клятва замѣняется слѣдующей: заспорившіе, взявъ съ собой водки, идутъ въ садъ, или въ оврагъ, и на чистомъ мѣстѣ требующій клятвы вырѣзываетъ дернъ въ видѣ креста, въ средину котораго ставитъ стаканъ съ водкой; клянуційся беретъ съ земли стаканъ и, выпивая водку, говоритъ: „торъ чон-ма таттыръ“, что значитъ: Богъ душу отрубить, т. е. если я виновенъ, пусть Богъ душу вынетъ изъ меня. Затѣмъ дернъ кладутъ на прежнее мѣсто. 3) Подозрѣваемаго въ кражѣ заставляютъ ѣсть хлѣбъ съ конца ножа. Если виновный рѣшится ѣсть, то онъ сдѣлается

нѣмымъ. Прежде, чѣмъ съѣсть кусокъ хлѣба, подозрѣваемый произносить слова — „эпъ ильне ползасынъ—торъ шираттыръ“, т. е. если я взялъ, то Богъ найдетъ меня.

Чтобъ успокоить ревниваго мужа, жена приглашаетъ въ домъ возлюбленнаго — причину ревности. Предъ его приходомъ зажигается предъ образомъ восковая свѣча, ставится въ передній уголъ столъ, покрывается холстомъ; ставится также на столъ чашка съ водой. Когда придетъ подозрѣваемый, то жена, въ присутствіи мужа, кладетъ три земныхъ поклона и начинаетъ пить изъ чашки воду, давая каждый разъ послѣ себя хлебнуть мнимому возлюбленному. Затѣмъ свѣча гасится. Послѣ такой клятвы, если она дана ложно, виновные должны оба умереть. Успокоенные мужчины расстаются пріятелями. Съ принятіемъ христіанства въ клятвы чувашъ входитъ и религіозный элементъ. Болѣе дѣйствительной клятвой считается клятва предъ Св. Евангелиемъ и крестомъ, при зажженной предъ иконой свѣчей. Но еще сильнѣе клятва предъ церковнымъ крестомъ. Клянущійся знаетъ, что если онъ солжетъ, то пожелтѣетъ при жизни, какъ мѣдъ, и смерть постигнетъ его въ скоромъ времени.

Часто клянутся ребенкомъ. Предъ иконой зажигается свѣча; клянущійся беретъ собственнаго ребенка на руки, подходитъ къ иконѣ и, глядя на нее, завѣряетъ справедливость словъ своихъ благополучіемъ дитяти, принося его въ жертву карающему Богу; если клятва дана неправильно, ребенокъ долженъ умереть.

Иногда ограничиваются простой клятвой предъ иконой съ зажженной свѣчей. Клянущійся, подходя къ иконѣ, громко говоритъ: „сякъ—вырындахъ чонъ-ма ильдеръ“, въ переводѣ — „на этомъ мѣстѣ душу взял“, т. е., пусть Богъ на этомъ мѣстѣ возьметъ душу. Послѣ этихъ словъ клянущійся самъ гаситъ свѣчу.

Чтобъ отомстить обидчику неуличенному, ненайденному, чувашинъ ставить свѣчу Св. Іоанну Воину и молится предъ нимъ: „пустъ умереть обидчикъ мой, пусть умереть любимое дитя его, пусть падеть скоть его“.

Чтобъ наказатъ виновнаго въ кражѣ скотины, но еще не

уличеннаго и не пойманнаго, прибѣгаютъ къ помощи йомзи, который долженъ найти волчье горло надѣть его на коровій рогъ и положить на тотъ путь, по которому увели со двора скотину; при этомъ йомзь говоритъ на голову виновнаго слова заклятья. Если воръ будетъ угадать, то спустя годъ, полгода, на него посыпятся несчастія: падеть скотина, умрутъ жена, сестры, братья и, наконецъ, дѣти. Чувашская женщина, какъ существо слабое и угнетенное, часто на своихъ плечахъ выносить тяжесть семейныхъ невгодъ и ссоръ. Она терпитъ обиды и отъ мужа, и отъ сына, и отъ родныхъ. Гдѣ найти ей защиту? По неволѣ она прибѣгаетъ за помощью къ чудодѣйственной силѣ заклятій. Такъ, если жена разойдется съ мужемъ, мать съ сыномъ, то идетъ на границу надѣльной земли и молится Богу, чтобы Онъ примирилъ всѣхъ. Желая отмстить сыну за нанесенные побои и обиды, мать идетъ въ овинъ, кладетъ на токъ испеченный хлѣбъ, и колѣнопреклоненная молится Богу, прося у Него или вразумлѣнія для сына, или же кары для него: пусть жизнь сына будетъ такъ же нехороша, какъ ея собственная, и пусть отъ дѣтей своихъ онъ терпитъ такія же оскорбленія, какія переноситъ и она отъ сына. Дѣйствительнымъ средствомъ къ вразумлѣнію непочтительнаго сына считается обычай молиться предъ иконой въ домѣ. Оскорбленная мать, оставаясь одна въ избѣ, зажигаетъ предъ иконой свѣчу и начинаетъ на колѣняхъ молиться Богу, чтобы Онъ смирилъ строптивый нравъ сына, внушилъ къ ней любовь и уваженіе. Молитва сопровождается троекратными низкими поклонами во всѣ стороны отъ иконы, какъ бы въ знакъ приглашенія всѣхъ странъ къ участию въ ея горѣ.

Неоднократно оскорбленный сыномъ отецъ, испытывая въ послѣдній разъ силу прошенія своего надъ повинившимся сыномъ, требуетъ отъ него доказательствъ искренняго раскаянія и обѣта на будущее время быть послушнымъ и почтительнымъ къ отцу. Вотъ какъ совершается такой обрядъ: предъ иконой зажигается свѣча; отецъ садится въ передній уголъ на лавку или на табуретъ; сынъ отъ порога избы на колѣняхъ подползаетъ къ отцу,

развязываетъ на правой ногѣ его лапоть и въ это время про-
износить слова раскаянія и завѣренія на будущее время быть
почтительнымъ, не оскорблять отца, ухаживать и заботиться о
немъ; затѣмъ цѣлуетъ разутую ногу и гаситъ свѣчу предъ
иконой.

Всѣ приведенныя нами клятвы и заклатья постепенно ис-
чезаютъ; молодежь къ нимъ рѣдко прибѣгаетъ, и мы не могли
добиться символическаго значенія клятвенныхъ обрядовъ даже
отъ стариковъ: они помнятъ только внѣшнія формы, но смыслъ
ихъ и значеніе уже утратились безслѣдно.

Н. Новрусскій.

Школьная замѣтка.

На границѣ Симбирской и Саратовской губерній, на берегу
рѣки съ одной стороны и уступомъ горъ съ другой, пріютилась
небольшая деревушка, Сызранскаго уѣзда, носящая названіе „Ку-
рофдовскіе выселки“. Населеніе ея чисто русское, православное;
жителей въ ней 108 ревизскихъ душъ. Кромѣ своей бѣдности,
ничѣмъ другимъ, повидимому, не отличаясь отъ ближайшихъ къ
ней селеній, эта деревушка очень скромно и тихо живетъ дни за
днями. Питаясь единственно только плодами рукъ своихъ отъ земле-
дѣлія и не зная никакихъ стороннихъ ремеслъ, населеніе ея живетъ
исключительно интересами хлѣбопашества. Но въ этомъ бѣдномъ
населеніи существуетъ рѣдкая у насъ въ крестьянскомъ быту жажда
къ просвѣщенію. Кто вложилъ въ него эту жажду, — неизвѣстно.

Лѣтъ 15--20 тому назадъ жилъ здѣсь старичекъ, нынѣ
умершій (Иванъ Петровъ Пахтушкинъ), который, самъ едва оси-
ливъ по старинной методѣ всю псалтирь, звался первымъ про-
свѣтителемъ этой небольшой веси. Къ нему многіе изъ деревушки
приходили съ просьбой обучить грамотѣ ихъ ребятишекъ; изъ
нихъ многіе у него учились, нѣкоторые кой-чему выучивались, а
нѣкоторые, не особенно смышленные, уходили съ тѣмъ же, съ
чѣмъ и приходили. Со временемъ старичекъ этотъ сталъ слабъ